

ОПИСАНИЕ

города ИРКУЦКА

И ОКРЕСТНЫХ МЕСТНОСТЕЙ

Перевод и публикация д-ра ист. наук А. Х. ЭлERTA

Георг Вильгельм **СТЕЛЛЕР**

Георг Вильгельм Стеллер (правильнее — Штеллер)¹ родился 10 марта 1709 г. в г. Виндсхайм (Франкния) в семье местного кантора и органиста. После окончания в 1729 г. гимназии, куда его отдали четырех лет от роду, он поступил в Виттенбергский университет. Там, а с 1731 г. в университете Галле,

Стеллер сочетал изучение теологии с занятиями на медицинском факультете, все больше увлекаясь естественными науками, прежде всего — ботаникой и зоологией. В Галле началась его педагогическая деятельность в школе-приюте (Сиротском доме), основанном знаменитым педагогом и виднейшим представителем пиетизма А. Г. Франке. Пребывание в Галле, признанном центре пиетизма, во многом предопределило судьбу и мировоззрение Стеллера. Всю последующую жизнь он, в соответствии с философией этого протестантского течения, не только пропагандировал идеи рационализма, но и стремился активно участвовать в практическом переустройстве жизни.

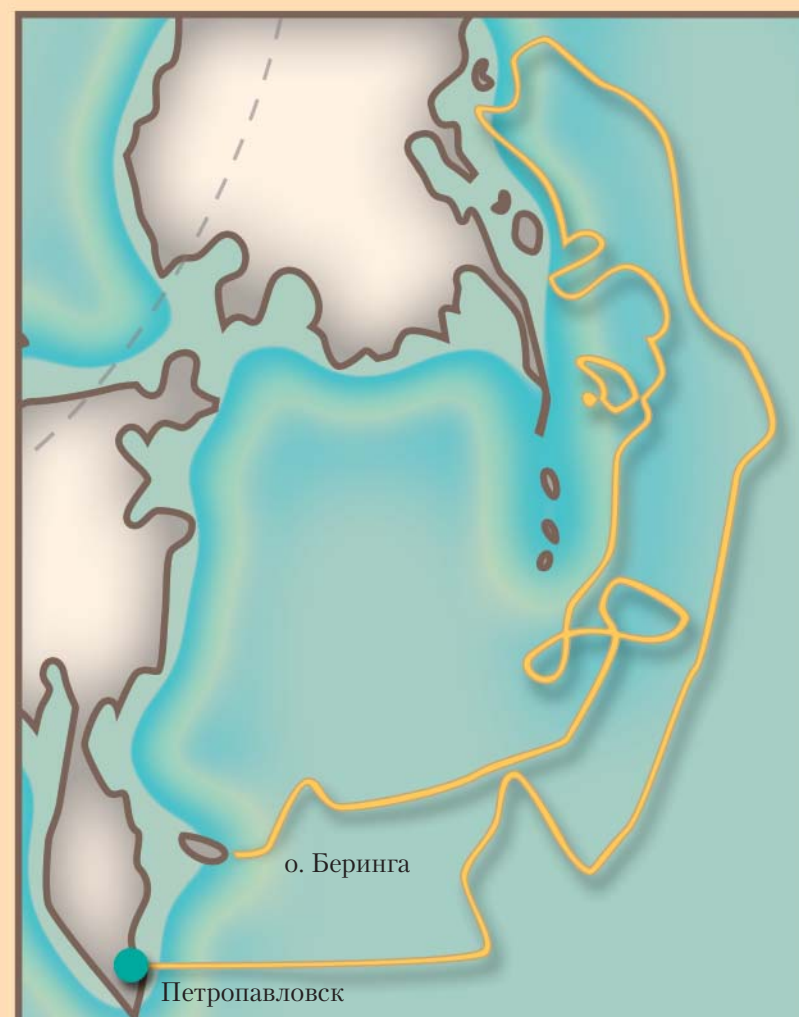
Получив блестящее образование, Стеллер, подобно многим другим немецким ученым, решил поискать счастья в России, где в 1725 г. была открыта Императорская Академия наук. Здесь Георг Стеллер стал домашним врачом у архиепископа Феофана Прокоповича — выдающегося государственного и церковного деятеля, сподвижника Петра Великого. Поддержка Феофана Прокоповича и профессора ботаники И. Аммана,

которому Стеллер помогал составлять академический гербарий, позволили молодому ученому в 1736 г. получить приглашение на службу в Академию в качестве адъюнкта натуральной истории. Уже на следующий год Стеллер по собственному желанию отправился в Сибирь для участия в работе академического отряда Второй Камчатской экспедиции.

Масса приключений, лишений, трагических событий, неустанных трудов и научных открытий, принесших автору мировую славу, уместились всего в 12 лет российской жизни Стеллера. Маршрут его путешествия из Петербурга на Камчатку (1738–1740 гг.) прошел через Казань, Тобольск, Томск, Енисейск, Иркутск, Забайкалье, Якутск и Охотск. На пакетботе «Святой Петр», которым командовал Витус Беринг, Стеллер в 1741 г. достиг берегов Северной Америки и был первым европейским ученым, ступившим на землю Аляски (точнее, на землю острова Кадьяк близ ее берегов) и описавшим ее. Вернувшись в 1742 году по окончании полной испытаний и трагически завершившейся экспедиции на материк, он продолжил научную работу на Камчатке

и на Курильских островах. Результаты исследований он обобщил в знаменитом труде «Описание земли Камчатки», впервые полностью изданном на русском языке (сразу в двух разных переводах!) лишь в 1999 году.

Резкая критика Стеллером действий властей по отношению к аборигенам Камчатки и самовольное освобождение из-под стражи ительменов, по его убеждению, несправедливо обвиненных в бунте и измене, привели к тому, что в 1745 г. ученый оказался под следствием. И хотя в Иркутске Стеллера оправдали, разрешив вернуться в Петербург, в Соликамске летом 1746 г., по приказу из Петербурга (известие об оправдании ученого не успело дойти до столицы) его снова арестовали и под конвоем отправили обратно в Иркутск. Когда в октябре 1746 г. недоразумение все-таки разъяснилось, приказ об аресте был отменен. Известие об этом догнало Стеллера в Таре. Получив свободу, он вновь устремился в столицу, но... добрался лишь до Тюмени, где умер в ноябре 1746 г.

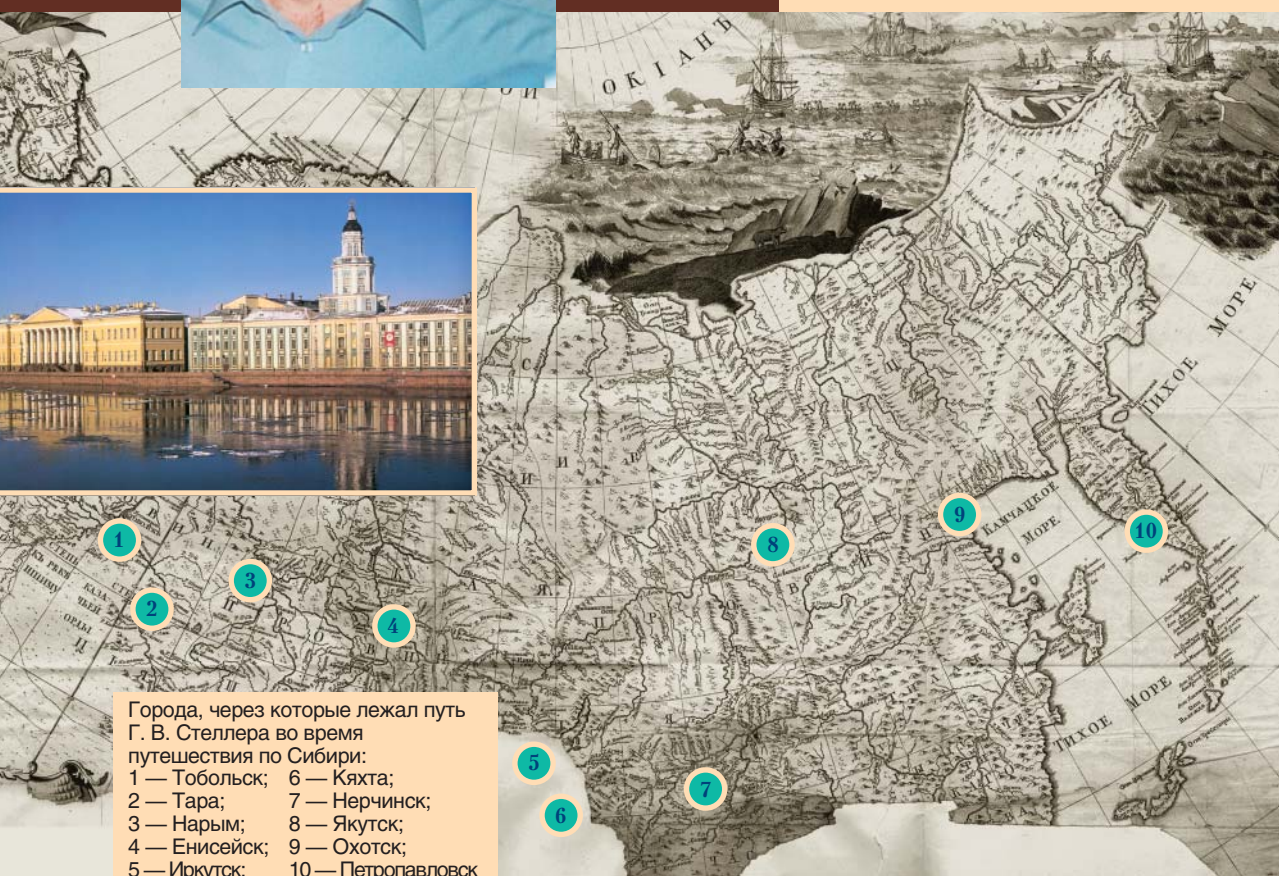

Вторая Камчатская экспедиция под руководством Витуса Беринга

ЭЛЕРТ Александр Христианович — доктор исторических наук, специалист в области дешифровки, переводов и исследования рукописей XVII—XVIII вв. Основное направление исследований — академические путешествия по Сибири XVIII в.

1. Как «Стеллер» ученый стал подписываться в России. Такое написание и утвердилось в русскоязычных текстах.

Города, через которые лежал путь Г. В. Стеллера во время путешествия по Сибири:
1 — Тобольск; 6 — Кяхта;
2 — Тара; 7 — Нерчинск;
3 — Нарым; 8 — Якутск;
4 — Енисейск; 9 — Охотск;
5 — Иркутск; 10 — Петропавловск

Путевые дневники и ряд других экспедиционных работ Стеллера до недавнего времени не публиковались и были практически недоступны исследователям. С начала 1990-х гг. совместными усилиями немецких, российских и датских ученых осуществляется масштабный проект по изучению и публикации научного наследия участников Второй Камчатской экспедиции и, в первую очередь, — Г. В. Стеллера. Топографическому описанию Байкала, Прибайкалья и Забайкалья, характеристике флоры, фауны и минералов этого региона, анализу образа жизни местного населения посвящен целый ряд научных работ Стеллера. Среди них выделяется фундаментальное исследование «Иркутская флора», высоко оцениваемое современными ботаниками. Ниже мы публикуем фрагмент работы «Описание города Иркутска и окрестных местностей»², написанной Стеллером во время пребывания в Иркутске (с выездами в близлежащие районы и в Забайкалье) с весны 1739 г. до весны 1740 г. Эта работа недавно издана на немецком языке в серии «Источники по истории Сибири и Аляски из российских архивов». В настоящее время ее перевод готовится к публикации в русскоязычной версии указанной серии.

Стеллер был необыкновенно цельным человеком, поэтому все его произведения так или иначе перекликаются друг с другом, коль речь заходит о фундаментальных идеях, занимавших ученого. Один раз сформулировав какую-то закономерность, он в дальнейших своих изысканиях ищет ей подтверждения, не забывая при этом оговорить и исключения из правила.

Приведем пример. Публикуемый отрывок начинается с мысли Стеллера о влиянии природных факторов на образ жизни и нравы людей. Во время путешествия в 1740 г. из Иркутска в Якутск ученый обнаружил немало доказательств в пользу этого утверждения.

Очевидные симпатии вызвало у Стеллера сибирское крестьянство, поразившее его отменным физическим состоянием, своими неколебимыми моральными устоями и трудолюбием. Все это, к слову, как нельзя лучше укладывалось в близкие его сердцу идеалы протестантизма. По оценке путешественника, жители русских деревень по р. Лене были более зажиточны, чем те, кто жил в более благоприятных климатических условиях, отличались многодетностью, прекрасным здоровьем и долголетием (ученому довелось беседовать с двумя стариками-крестьянами, одному из которых было 116, а другому 137 лет). Ученый объяснял это органической привычкой к труду. С заметным удовольствием он отмечал эту привычку, когда рассказывал о женщинах и детях: «Здесь не увидишь ни одного дома, где бы не изготовляли из пряденой конопляной мешки, не ткали рубахи, штаны и полотно... Здесь же можно заметить, как женщины из-за нехватки покосов собирают в лесу траву на немецкий манер... Нередко видишь, как женщины и дети 8–10 лет выполняют работу подводчиков, чтобы взрослые могли заниматься домашними работами и промыслом». Сравнивая эту сельскую картину с городскими нравами, Стеллер тут же впадает в ироничный тон (для него, впрочем, характерный): «В Иркутске, напротив, когда чай и щи готовы, все женщины лежат друг подле друга на печи как колбаски и коптят свои задницы, чтобы они не развалились и не загнили от чрезмерного распутства...».

2. Этот фрагмент публикуется с незначительными сокращениями. Логику общего повествования они не нарушают, поэтому мы их в тексте не отмечаем.

Позднее, уже вдоволь побродив по суровейшему в природном отношении русскому Северо-Востоку, исследователь вынужден был признать, что его «общее правило» работает не всегда. О местных служилых и «якутских обывателях» он пишет, что они «по своей злобности, невероятному коварству, обману, притворству и жестокости настолько же отличаются от прочих жителей Сибири и коренных русских, насколько змеи от голубей». Объяснял это Стеллер бесконтрольностью служилых в удаленных острогах и зимовьях и, в немалой степени, их социальной маргинальностью. По его мнению, тут собирались отбросы общества — «либо искатели приключений, либо бежавшие от правосудия, либо сосланные сюда из России за совершение всевозможных неблагоприятных дел, для которых эти люди были самым подходящим элементом».

Многие наблюдения Стеллера выглядят удивительно актуальными. Это касается не только таких явных аналогий, как роль «новых русских» и «капиталистов» (определения Стеллера) в развитии сибирской экономики. Падение уровня рождаемости в городах; нравственная распущенность и распространение венерических заболеваний; плохая работа полиции, с разрастанием аппарата которой парадоксальным образом

растет и количество преступлений; подрыв государственных финансов «теневой экономикой» (в сфере винокурения и торговли); хищническое истребление природных ресурсов — все это (и это еще не полный список!) чрезвычайно занимает ученого, а мысли, высказанные им по этому поводу, словно списаны из сегодняшних газет.

Обращение к биографии Стеллера лишний раз показывает, что сложившееся представление о «настоящем немце-ученом» не всегда приложимо к конкретным личностям (на то они и личности!). Глубокая образованность, профессионализм, трудолюбие, традиционная немецкая точность и аккуратность в исследованиях сочетались в этом человеке с бурным темпераментом и неумной энергией, непринимчивостью в быту, готовностью противостоять невзгодам и опасностям, подлинной демократичностью и непримиримостью ко всем проявлениям несправедливости.

Надо признать, что это именно те качества, по которым тоскует наше — не самое благополучное — время. И в этой тоске оно нередко обращает свои взоры назад, в прошлое. Что ж, дело небесполезное. Публикуя Стеллера, мы, помимо всего прочего, занимаемся и этим делом.

Стеллерова Арка. Остров Беринга.
Фото Я. Оелкера

Тобольск

117

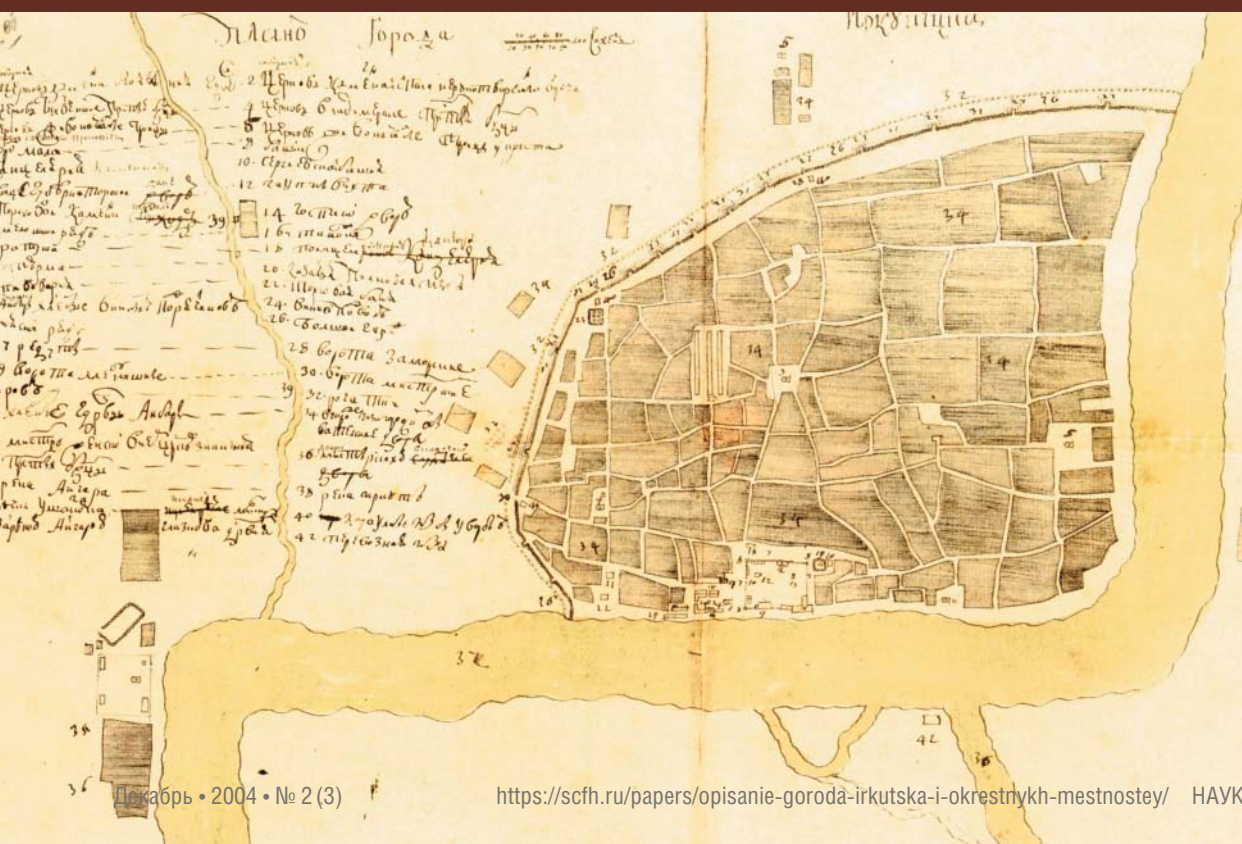
«ИРКУЦКИЕ

НРАВЫ И ОБРАЗ ЖИЗНИ»

Название этой северной или северо-восточной части Азии [Сибирь]¹ столь общо и неопределенно, что было бы нелепо сводить под одним названием всех находящихся в ней жителей вместе с их нравами и обычаями. Различный климат отчасти изменяет и отчасти принуждает изменять нравы и обычаи. Так же и относительно животных мы обнаруживаем, что в одном месте они хитрее и усерднее, чем в другом: хитрее там, где их пища более редка, и для удовлетворения аппетита требуется больше сообразительности и усердия. Все дикие звери в здешних местностях — рогатые животные, медведи, волки, лисицы — обеспечивают себя пропитанием на зиму. В особенности же различаются собаки: чем севернее они находятся и чем большим нагрузкам подвергаются из-за отсутствия лошадей, тем более смышленными они оказываются на охоте и тем лучше помнят дорогу на дальние расстояния. Из всех происшествий, связанных с собаками и их местным использованием, можно было бы сочинить полную собачью историю — и весьма полезную, потому что отдельные рассказы об азиатских собачьих должностях до сих пор еще кажутся европейским писателям совершенно невероятными.

1. В квадратные скобки заключены поясняющие и дополняющие текст слова, добавленные переводчиком. — Ред.

План г. Иркутска (1739 г.)

Иркутск (1735 г.)

Вслед за климатом многое изменяет соседство. Общение с чужаками и торговля, заставляющая сравнивать качество товаров, делают народ более или менее высокомерным. Это знают и сами сибиряки, поэтому провинциальные города или местности у них получили от жителей других мест шуточные прозвища в соответствии с их основными качествами. Так, к примеру, томичи из-за их грубой спеси, которую им приписывают проезжающие, называются булыги; енисейцы — сквозники, то есть хитрые; иркутяне — иваны, из-за их торговли и немалой политической гордыни в противопоставлении себя томичам. И таким образом в Сибири не пропущено ни одно место, которое не получило бы своего особенного наименования. Это доказывает, что образ жизни жителей значительно различается: он один в Тобольске, другой — в Томске или Енисейске, третий — в Иркутске...

О последнем я сейчас и хочу особо повести речь.

То, что замечается в истории европейских стран, имеет место и здесь, в Азии, а именно — чем решительней народ отказывается от своих старых нравов и обычаев, тем больше он страдает подражательностью, что не всегда действительно вызвано необходимостью. Иркутск, который ведет свое начало от потомков мужественных стрельцов, постепенно воспринял не только немецкую одежду, пищу и напитки, но соединил это еще и с китайской заносчивостью.

Этот город построен возле слияния двух рек на третьей. Первая из них [Ангара] вытекает из большого озера [Байкал], вторая [Иркут] собирается сюда из диких гористых местностей, а третья [Ушаковка], едва заслуживающая упоминания, получила свое название

от фамилии мельника, жившего здесь. Происхождение и развитие этого населенного пункта лучше всего характеризует то, что основан он казаками в виде зимовья, разросшегося со временем в село. А в город оно было превращено усилиями ссыльных, посланных в величайшей спешке из Москвы и со всего государства. Буряты, как коренные жители, вряд ли заслуживают отдельного рассмотрения — их тут совсем немного, и живут они в юртах рядом с городом.

Итак, в городе имеются жители трех сортов: сибиряки, ссыльные, или новые русские, и братья, или буряты. К жителям, однако, могут быть причислены еще и промышленные. Они пришли из самых бедных местностей России — с целью обогатиться сравнительно со своим прежним состоянием, но многие из них поселяются здесь насовсем. Старых енисейских и красноярских казаков сейчас, вероятно, осталось очень мало, так как, когда город вырос, они почти все отправились в остроги вокруг Байкала — Баргузинский и Идинский, а из них — далее, поскольку из-за множества ссыльных в этих местах они уже больше не были нужны в качестве стражей. Есть несколько семей русских купцов, переселившихся сюда добровольно, — таких, как Милютины и Бречаловы. Большинство же купцов происходит из ссыльных. Нынче они самые состоятельные люди и ни в малейшей степени не мечтают о непокорности. Более того, они краснеют при одном лишь слове «стрельцы». Из них и состоит посад, равно как и из казаков, или, как их сейчас называют, служивых, используемых для государственной службы и в военное, и в мирное время. Они, однако, предпочитают быть занятыми там, где есть возможность попутно торговать и наживаться. Служивые

получают из казны жалование деньгами и провиантом, но с этим дело обстоит следующим образом.

Некоторые не только не берут ни денег, ни провианта, но еще и сами платят за то, чтобы стать ясашниками или быть посланными с казной в Россию, ибо при этом они могут иметь побочный доход от торговли. Самые бедные получают деньги и провиант и назначаются на самые тяжелые службы — в настоящее время, например, их направляют в Охотку и на Камчатку в качестве работников и плотников. Другие получают от канцелярии кусок земли, строят там заимки, дома и дворы, держат много скота, занимаются хлебопашеством, торгуют с бурятами и чувствуют себя довольно хорошо. Торговцев казна тоже награждает местностями, чтобы они строили там дома и дворы. Из этих построек со временем вырастают деревни и, наконец, слободы. Большинство слобод вокруг Иркутска имеет подобное происхождение. Деньги за землю они уплачивают в казну сразу.

Промышленные являются выходцами из всех городов России и Сибири, но большинство из них со времени прекращения торговли в Архангельске прибыло из Архангельской провинции и городов Устюг, Вологда, Соль Вычегодская, Яренск, а также из городов Арзамас, Ярославль и Рязань. В России их называют бурлаками и гулящими, но здесь они безосновательно получили название «промышленные». Они могут заниматься всем, чем хотят, тогда как прежде это название прилагалось лишь к тем, кто ходил компаниями на соболиный, лисий, бобровый и песцовый промыслы, на рыбную ловлю или занимался торговлей и поставлял купцам слюду и тому подобные вещи.

Промышленные бывают двоякого рода. Некоторые отправились сюда по собственному желанию с добрым намерением сколько-нибудь заработать, чтобы затем вернуться в Россию, купить имущество и жить подобно порядочным людям. Это государственные, посадские и крестьяне или разного рода ремесленники. В канцеляриях тех мест, откуда они родом, эти люди берут паспорта на срок от 3 до 6 лет. Во всех городах паспорта подписываются воеводами в форме характеристики поведения их владельцев. А прибывают они сюда большей частью с купцами, нанимаясь к ним на суда работными людьми. Или они служат где-то, начинают торговать, двигаются от одного пункта к другому и так добираются постепенно до этих мест. В Иркутске или в других городах они предъявляют паспорт в канцелярию, где его также подписывают, а посадские несут его еще и в ратушу². Обосновавшись здесь, они занимаются разнообразными промыслами.

Так, некоторые плывут на дощаниках для рыбной ловли на озеро Байкал, а в особенности — к устью реки Баргузин, к реке Чивиркуй в 50 верстах от Баргузина, и еще — к реке Верхняя Ангара. Однако сейчас

2. В России того времени орган городского самоуправления. — Ред.

3. Русская сажень немногим превышает два метра. — Ред.

4. Имеется в виду русско-турецкая война 1735—1739 гг., которая велась Россией (в союзе с Австрией) за выход к Черному морю. — Ред.

к Верхней Ангаре никто больше не отваживается идти, так как тамошние тунгусы более дерзко, чем где-либо, отбирают у промышленных рыбу, а при сопротивлении убивают, что они делали неоднократно.

Отправляясь на промыслы, промышленные соединяются по 14—15 человек, договариваются между собой и собирают в складчину деньги, обычно по 50 рублей с человека. На эти деньги покупают дощаник, боковой парус, мачту и снасти, что вместе с неводом, то есть рыбачьей сетью длиной от 130 до 150 сажений³, обходится в сумму около 500 рублей. Затем они посещают канцелярию и покорнейше просят об указе, с тем, чтобы приказчики не мешали их работе. В указе говорится, что промысел правильно оформлен в ратуше и за невод уплачено 7 рублей. Далее канцелярия извещает таможеню о том, какое место отведено им для промысла, так как по возвращении промышленные предъявляют свою рыбу на заставе и дают все осмотреть, чтобы было видно, не ввозят ли они какие-нибудь товары под видом рыбы. После этого они уплачивают в таможене десятину от цены, установленной целовальниками. Когда промышленные все уладили, они закупают соль, провиант, мясо, всевозможную домашнюю утварь и в Николин день отплывают вверх по Ангаре на Байкал. Бочки они везут с собой в виде клепок и сбивают их возле устья. Там они строят себе зимовье, баню, навес, под которым засаливают рыбу и чинят невод, и каркас для его сушки. Дощаник же оставляют стоять на якоре, а рыбу ловят на двух лодках.

Все люди разделяются по следующим должностям.

Передовщик, или предводитель, не платит денег в складчину и является главным среди них. Он знает дорогу на озеро и предупреждает о ее опасностях, определяет места стоянок, а также места, удобные для рыбной ловли. Передовщик должен уметь забрасывать, выбирать и чинить невод. Наряду с этим, он отдает распоряжение относительно того, в какое время ехать рыбачить.

Еще есть бочкарь. Он всю зиму изготавливает бочки, а затем сбивает их. За это он ничего не вкладывает в артель, но и получает лишь половинную долю. Другую половину доли получает повар. Повар к определенному времени и в предписанном ему порядке готовит

еду, варит квас, печет хлеб, забивает скотину и засаливает мясо, доставляет соль, подносит к столу пищу и прислуживает артели. Он тоже не платит в складчину и тоже не участвует ни в каких [общих] работах.

Остальные 11 артельщиков, которые внесли в артель по 50 рублей своих денег, разделяются между собой так, чтобы на озере по несколько человек попеременно стоять у руля. А передовщик спереди, с носа, командует «направо» и «налево». На суше же они работают все вместе. Между собой артельщики живут очень мирно, полюбовно улаживают возникающие ссоры, взаимно дружелюбны и учтивы. Когда они обедают, то перед этим благоговейно молятся. За столом же не ведется никаких разговоров и стоит такая тишина, как в столовой Сиротского дома в Галле. После обеда артельщики повторно молятся и снова отправляются работать. Бесшабашных голов они совсем не принимают в артель или выгоняют из нее, поскольку, как они говорят, беспорядок может рассердить божество озера. Еда и питье у них очень хороши и в избытке. Особенное удовольствие им доставляет то, что ими никто не командует, и они сами себе господа.

В конце августа артельщики возвращаются, груженные осетрами, сигагами и омулями. Осетров промышленные ловят всегда. Ради них они сначала специально отправляются к реке Чивиркуй, а уж в половине августа приходит время для омуля. Раньше осетров было очень много, и остальную рыбу просто не брали. Но теперь осетр стал столь редок, что промышленные благодарят Бога и за омуля. В прежние времена возле острова Ольхон они за одну тоню добывали по 60 бочек осетров, сейчас же до прихода омуля вся артель едва получает 7 полных бочек. Ловят и сигагов, а когда поднимаются омули, они

добывают их за одну тоню по 10—13 бочек. Затем, в начале сентября, промышленные обычно возвращаются в Иркутск со следующим грузом: 7 бочек осетров, 25 бочек сигагов, 100 бочек омуля. В одну бочку помещается от 1000 до 1100 омуля. Бочка омуля стоит в среднем 3 рубля, наименьшая цена — полтора рубля. Бочка сигагов стоит 7 рублей, наименьшая цена — 5 рублей. Бочка осетров стоит 17 рублей, наименьшая цена — 13 рублей. Из всего этого складывается сумма в 594 рубля, что составляет 42 рубля на человека.

Зимой артельщики живут в зимовье — хотя и не так богато, как во время промысла, но все же ни в чем не испытывая нужды. Поскольку они живут артелью, то питание за 9 месяцев обходится им не более, чем по 5 рублей на человека. Затрудняет их жизнь то, что иногда их дощаники забирают для государевой службы в качестве провиантских транспортов и гоняют эти дощаники на ярмарки с одного места на другое. Да и самих артельщиков часто отправляют на бесплатные работы, что они, впрочем, сносят с величайшей покорностью — по крайней мере, пока продолжается война⁴ и действителен указ об их возвращении в Россию.

Прежде, после внесения неводных денег, промысел был свободным у Селенги, у Прорвы возле Посольского монастыря, у Баргузина, Чивиркуя, вокруг Ольхонских Ворот и всюду вокруг Байкала. Но сейчас промысел селенгинского омуля запрещен указом Иркутской

губернской канцелярии. Это сделано по просьбе господина бригадира Бухгольца в Селенгинске, обоснованной тем, что рыба возле устья Селенги частично вылавливается и частично отгоняется, после чего уже не поднимается по Селенге, и тамошние жители таким образом лишаются улова, впадая в нужду. С Прорвы промышленных согнал Посольский монастырь и закрепил здешнюю рыбную ловлю исключительно за собой. Олхон промышленные оставили сами. Уже несколько лет как осетры больше не держатся там, уйдя к Селенге.

Зимой некоторые промышленные выполняют знакомые им службы в монастырях или работают срочниками у крестьян.

О нерпичьем, втором промысле ниже последует более подробный рассказ.

Третий промысел — звериный, в том числе и соболиный. Об этом подробнейшим образом сообщает господин доктор Гмелин.

Четвертый промысел — слюдяной, вверх по Витиму. Все обстоятельства выполнения канцелярских формальностей тут одинаковы с рыбным промыслом.

Некоторые промышленные торгуют различными товарами от себя или приказчиками от купцов, и многие, ставшие сейчас богатыми, купцы именно так достигли своего благополучия.

Другие промышленные железо и плавят его, уплачивая десятину в казну, — как, например, в Каменке вниз по Ангаре, раньше на Ушаковке, на Бугульдеихе и на Анге. Последние промыслы сейчас построены как заводы и взяты в собственность Афанасием Дементьевым и Ланиным.

Те, которые не умеют прокормиться торговлей и работают срочниками у крестьян, обычно получают, наряду с пропитанием, по 20–24 рубля в год.

Еще назовем зимовщиков на незаселенных трактах — например, по дорогам на Енисейск и на Лену. Они варят пиво, заготавливают сено, держат хлеб и соленую рыбу.

Часть промышленных работает на каштаках⁵ Ее количества дровосеками и винокурами.

Почти все ремесленники в Иркутске — промышленные. Иногда трудно определить, в Москве или в Иркутске выполнена работа золотых и серебряных дел мастеров по литью, ковке, чеканке и гравировке. Они изготавливают даже математические инструменты — квадранты, астролябии, циркули, — и так умело, что скорее можно было бы предположить, что они сделаны в Англии, нежели в Сибири русскими. Гранильщики, токари по дереву, железу, серебру, рогу и кости, мастера медного литья, проволочники, пуговичники (как по золоту и серебру, так и по шелку, хотя последнее считается женской работой), кузнецы, слесари, жестянщики — в основном из промышленных. Суконная фабрика вместе с красильней имеется возле

5. Здесь: небольшой винокурный завод. — Ред.

6. Камка — шелковая китайская ткань с разводами. — Ред.

реки Белой на Тельме и в Иркутске. В предыдущий список следует добавить портных, не уступающих в своем ремесле петербургским собратьям, сапожников, вышивальщиков, художников, скульпторов, которые вырезают и расписывают прекраснейшие французские украшения на зданиях, шорников, игольников, а с недавнего времени — и мастера по изготовлению париков. И еще — мастеров по изготовлению холодного оружия, медников, оловянщиков, гребенщиков, ткачей тафтяных и камчатых⁶ тканей.

Нельзя, правда, не признать, что под названием «промышленные» имеется много и таких людей, которые не желают ни учиться ремеслу, ни работать, потому что еще раньше, бывши на Волге, приохотились к воровству и убийствам. Потом они переселились в Сибирь, где пребывают без паспортов и заметно снижают столь восхваляемую обычно безопасность здешних городов. Они бездомны и стараются схорониться от чужих глаз, ибо опасаются, что у них потребуют паспорта, которые либо просрочены, либо вовсе отсутствуют. Впрочем, есть все основания полагать, что эта сорная трава будет полностью искоренена посредством нынешних строгих розысков и указов, требующих провести тщательное обследование паспортов.

Вообще же, говоря о качествах, присущих промышленным, необходимо выделить следующие:

1. Они очень трудолюбивы, и с удовольствием видишь, с какой сноровкой и с какой энергией они принимаются за свою работу, почему и работают втрое быстрее, чем ленивые сибиряки.

2. Промышленные высоко ценят себя и свои умения, чему способствует то, что все местное стоит вдвое дороже, чем сделанное в Москве.

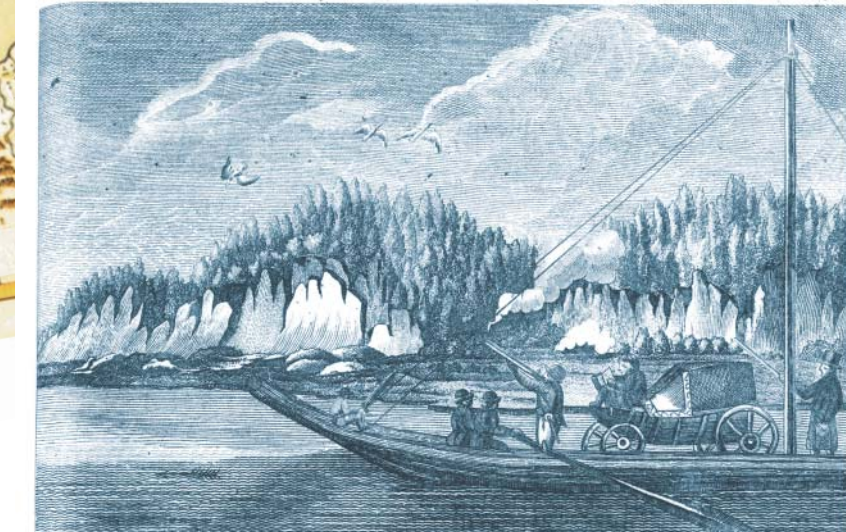
3. Они содержат, снабжают и охраняют Иркутск, поскольку являются рыбаками, крестьянами, ремесленниками, а по первому знаку становятся хорошими солдатами и до сегодняшнего времени составляют местный русский гарнизон.

4. Промышленные наносят вред Иркутску тем, что не могут жениться; это приводит к повсеместному распространению распутства и умножению заболеваний сифилисом.

(G. W. Steller, S. Krašeninnikov, J. E. Fischer. Reisetagebucher 1735 bis 1743. — Halle, 2000. — S. 28–36).

Видъ въ Иркутскъ чрезъ Ангару на Западъ съ приближенъ, гдѣ наиболѣе купецскія суда нагружаются и выгружаются.

Видъ горъ на правомъ берегу Ангары въ 15 верс: ниже Иркутска.

© Justus Perthes Verlag Gotha. 1996